

растать вмѣстѣ съ ростомъ отвлеченности, съ самимъ отрицѣемъ; *буддизмъ*, признавшій міръ своимъ представленіемъ (миражемъ, недѣйствительностью) есть самое гордое ничтожество. Христіанство есть сознаніе этой гордости и отрицаніе ея, а вмѣстѣ и возвращеніе *трудолюб* дѣйствительности, т. е. воскрешеніе. Такимъ образомъ дитя, какъ критерій, есть отрицаніе неродственности, ранговъ, чиновъ, всего юридическаго и экономическаго, и утвержденіе всеобщей родственности (дяди и тетки), и при томъ не на словахъ или въ мысли только, а на дѣлѣ (безкорыстная услужливость.) Родственность есть и пробный камень, и компасъ въ общемъ дѣлѣ, въ общемъ ходѣ... Въ дѣтскомъ чувствѣ всеобщаго братства скрывалось, заключалось то, что каждый человѣкъ есть сынъ, внукъ, правнукъ... потомокъ отца, дѣдовъ, прадѣдовъ, предковъ и общаго, наконецъ, праотца. Слѣдовательно въ немъ, въ этомъ чувствѣ, заключалось не только тѣснѣйшее соединеніе настоящаго, соединеніе живущихъ (сыновъ), но такое же или даже еще и большее соединеніе настоящаго съ прошедшимъ (отцами), въ противоположность ученіямъ древнихъ и новыхъ философовъ, ошибка которыхъ и состоитъ именно въ разрывѣ настоящаго съ прошедшимъ. Въ отношеніи сына къ отцу, внука къ дѣду и, вообще, потомка къ предку заключается не одно только знаніе, но и чувство, которое не можетъ ограничиться представленіемъ, мыслью, а требуетъ *видѣнія*, личнаго отношенія, требуетъ быть лицомъ къ лицу. Потому то въ родственности, какъ критеріи, и заключается требованіе воскрешенія. Тrequoваніе видимости не ограничивается внѣшностью, ибо въ понятіе родственности входитъ необходимо искренность и откровенность; и потому во внѣшности выражается вся глубина внутренности, лицезрѣніе дѣлается душезрѣніемъ. Основное свойство родственности есть любовь, а съ нею и истинное знаніе; въ отношеніяхъ раба и господина, въ отношеніяхъ гражданъ между собою существуетъ скрытность и неискренность, слѣдовательно нѣтъ истиннаго значія, нѣтъ и любви сыновней и братской... Гражданственность, цивилизація, не удовлетворяетъ требованію критерія; родовой бытъ, въ коемъ живутъ первобытные народы, слѣды котораго видны и у насъ до сихъ поръ, не смотря на внѣшнее сходство съ родственностью, также не удовлетворяетъ требованіямъ христіанскаго критерія и даже прямо противорѣчитъ ему... Нужно продолжительное воспитаніе для того, чтобы общеупотребительное—*«братцы»*—стало изъ слова дѣломъ;— для этого нужно внѣшнее и внутренне объединеніе.—И такъ, дѣтскій возрастъ опредѣляется—внѣшне—дѣйствіемъ объединяющихъ и бездѣйствіемъ разъединяющихъ причинъ, а внутренне—чувствомъ родства и чувствомъ смертности. Критерій христіанства берется изъ начала, изъ корня, изъ основы: тогда какъ критерій нынѣшняго, новоязыческаго вѣка требуетъ жизни согласной не съ безпорочною природою, т. е. не съ природою въ ея началѣ, въ ея основѣ, а съ природою вообще, и общаетъ за это счастье *личное*, неисключающее, однако, смерти (будете счастливы, но смертію умрете). Христіанство же общаетъ не отдѣльное, не личное только, а счастье общее, т. е. Царство Божіе. Христіанство, признавая зло въ мірѣ, отрицаетъ или не допускаетъ его въ основѣ,—въ противоположность и оптимистамъ, и пессимистамъ, изъ которыхъ первые, ограничивая добро, совсѣмъ не хотятъ